
Ч И С Л А

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И. В. де МАНЦІАРЛИ и Н. А. ОЦУПА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1 9 3 0 — 1 9 3 1

вить ихъ, но и каждую изъ нихъ «договорить». Полагаю, что попытка моя найдетъ себѣ оправданіе въ значительности тѣхъ вопросовъ, которые, по моему, встаютъ за гранями того, передъ чѣмъ остановилась ихъ недоговоренность.

Нашъ знаменитый писатель, уже неоднократно писавшій о Чеховѣ, на этотъ разъ сосредоточивается на Чеховѣ-собесѣдникѣ. Онъ почти воздерживается отъ выводовъ и размышлений, онъ рисуетъ Чехова-балагура, перескакивающего съ пустяка на пустякъ, смѣющагося, даже хохочущаго надъ тѣмъ, что, признаться, очень мало смѣшно.

Г. Адамовичъ, критикъ тонкій, хорошо «видящій», говоритъ о Чеховѣ—изобразителѣ своей современности, отрастителѣ и воплотителѣ 80-90-хъ годовъ со всею ихъ бѣдностью, внутреннею и удручающею волевою слабостью. Для характеристики этой эпохи, вѣрнѣе — для оправданія нашего къ ней (а можетъ быть, его личнаго) нѣсколько любовнаго отношенія Адамовичъ подбираетъ рядъ словъ, которыя впрочемъ самъ признаетъ не соответствующими: «одухотворенность, кротость, покорность, блѣдность, тишина». За всѣмъ этимъ критикъ признаетъ (для русскаго) нѣкоторую положительную прелесть, подобно русской природѣ, въ которой есть нѣчто, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный».

Эти послѣднія слова вмѣстѣ съ цитатою изъ Тютчева невольно хочется сопоставить съ заключительными строчками статьи Ив. Бунина. Послѣ длиннаго пересказа скучныхъ, расплывчатыхъ рѣчей покойнаго Чехова онъ упо-

Пушкинъ или Чеховъ?

Въ прошломъ году, въ связи съ чеховскими юбилейными днями, появилось въ «Послѣднихъ Новостяхъ» двѣ статьи. Появились онѣ даже въ одномъ номерѣ. Одна статья — И. Бунина, другая Г. Адамовича. Онѣ подходятъ къ предмету разное, но каждая въ своихъ рамкахъ, какъ будто не совсѣмъ себя договариваетъ. Мнѣ представляется не безъинтереснымъ не только сопоста-

минаетъ о томъ, какъ онъ узналъ о его смерти. Онъ поѣхалъ верхомъ въ село забрать почту и заѣхалъ къ кузнецу перековать лошадь. «Быль жаркій и сонный день съ горячимъ южнымъ вѣтромъ, съ тусклымъ блескомъ неба. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы...». Такъ онъ узналъ о смерти Чехова. Увѣряю васъ, что этой одной строчкой писатель убиваетъ все предыдущее, и изъ всего «некролога» я, по крайней мѣрѣ, ощущаю только это одно, — жару степную, сѣрую ослѣпительность степного дня, жару впереди себя и жару сзади, изъ кузницы. Чувствуете всю прелесть того, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный»?... Изъ всѣхъ подробностей бунинскаго разсказа о Чеховѣ единственно это съ силою встаетъ и врѣзывается въ память: какъ Бунинъ узналъ о смерти Чехова, то-есть тѣ его слова, въ которыхъ сказанъ не критикъ, а писатель. Никогда какъ именно въ сопоставленіи съ этою силой, — съ привязанностью къ жаркому степному полудню, къ пыльной дорогѣ, — никогда мнѣ не показалась столь слабой умственно-волевая сторона той эпохи, о которой онъ вспоминаетъ. И Чеховъ былъ воплощеніе этого времени. Но воплощеніе ли, въ настоящемъ, творческомъ и критическомъ смыслѣ этого слова? А что если только талантливое порожденіе?..

Вѣдь нѣтъ настоящаго художественнаго воплощенія, когда нѣтъ ясно ощущаемой личности, то есть личнаго отношенія къ изображаемому. Развѣ тѣмъ великъ Пушкинъ въ

«Онѣгинѣ», что изображалъ «всю эту ветошь маскарада» и прочую обыденщину «своей эпохи»? Конечно, нѣтъ; а тѣмъ, что все время за описываемымъ мы чувствуемъ описывающаго, сквозь все, о чемъ онъ пишетъ, ощущаемъ его. Вотъ этого не чувствуемъ въ Чеховѣ. Да, онъ «воплощаетъ» свою эпоху, — эпоху нытиковъ, слабняковъ, — но онъ не высказывается; онъ по отношенію къ своимъ созданіямъ такой же, какіе они по отношенію къ жизни. Вотъ почему выдвигеніе Чехова на одну доску съ Пушкинымъ въ строкахъ Адамовича представляется черезчуръ смѣлымъ. Когда читаемъ у него, что въ писаніяхъ Чехова «мы не только узнаемъ исчезнувшій бытъ и складъ существованія, мы въ это существованіе проникаемъ изнутри». — когда читаемъ это, то невольно относимъ насъ къ строкамъ Бунина, въ которыхъ писатель говоритъ, какъ мало авторъ «Вишневаго Сада» зналъ ту помѣщичью среду, о которой писалъ. Да онъ и усадьбы не зналъ. Въ нѣсколькихъ бѣглыхъ и мѣткихъ черточкахъ Бунинъ подрываетъ правдоподобіе и самаго вишневаго сада, и подобныхъ обитателей усадьбы, ихъ отношенія къ дому и къ вещамъ. Здѣсь даже, вмѣстѣ съ знаніемъ среды, быта, людей, подвергается сомнѣнію добротность самой драматической сущности чеховскихъ «находокъ»: такія словечки, какъ «человѣка забыли», «многоуважаемый шкафъ», похоронены, надо надѣяться, навсегда. Никогда вымученная ложь всего этого не выступала такъ ярко, какъ послѣ этихъ строкъ Бунина. Нашъ писатель забылъ подчеркнуть и трагически-чувст-

вительный «эффектъ» ударовъ топора, которые доносятся изъ сада прежде, чѣмъ бывшая хозяйка выѣхала. Неужели можетъ еще кого-нибудь задѣть это «ибсеновское» смѣшеніе неправдоподобнаго реализма съ насильственно навязываемымъ символизмомъ? Конечно, многіе изъ насъ чувствовали всю эту несуразность, но Бунинъ первый громко спросилъ: «Да и гдѣ были сады, сплошь состоящіе изъ вишенъ?»... Что остается послѣ этого вопроса? Красивое заглавіе...

Есть еще одинъ и очень важный вопросъ, выдвигаемый въ статьѣ Адамовича и получающій отвѣтъ въ статьѣ Бунина устами самого Чехова.

Очень интересно и вѣрно опредѣлено у Адамовича положеніе Пушкина по отношенію къ Россіи, — къ единой, цѣльной, государственно-единой. Единой не въ смыслѣ горизонтально-географическомъ, а въ смыслѣ политически-патріотическаго вертикальнаго разрѣза. Пушкинъ, какъ опредѣляетъ Адамовичъ, «могъ критиковать окружающее, но онъ не сомнѣвался въ принципахъ и не былъ разрушителемъ, какъ лучшіе изъ его преемниковъ». «Пушкинъ, — говоритъ онъ, — держалъ въ себѣ стиль Россіи». Этотъ «стиль» давно утраченъ, отъ него отошли, и, если Чеховъ столько же свою эпоху выявляетъ, сколько Пушкинъ выявилъ свою, то онъ б е з с т и л е н ъ, какъ эта самая его эпоха. Этой безстильностью, противоположной пушкинской «стильности», Чеховъ насквозь проникнуть и проникнуто и то, что принято называть «чеховщиной».

Вѣдь что такое стиль? Въ матеріалѣ н ѣ т ѣ стилия; стиль то, что

превращаетъ матеріалъ въ произведеніе искусства. Стиль — вмѣшательство чловѣка. Бюффонъ сказалъ — «Le style c'est l'homme»; говорятъ даже, что онъ сказалъ — «Le style c'est tout l'homme». Во всякомъ случаѣ только въ стилѣ чловѣкъ, а безстильность, какъ все необработанное или недоработанное есть проявленіе слабости творческой передъ ждущимъ его вмѣшательства матеріаломъ; иными словами — безвольное, ожидающее чужой в о л и, чтобы изъ эстетическаго небытія пройти въ художественное б ы т і е. Да, трогательно все то, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный», — но это, какъ ни драгоцѣнно, — это матеріалъ. Пушкинъ съумѣлъ подняться в ы ш е матеріала, когда свой патріотизмъ «кристаллизировалъ въ г о с у д а р с т в е н н о с т и ».

Но его связь съ государственнымъ принципомъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ ослабѣвала все больше, съ каждымъ поколѣніемъ разрывъ углублялся, люди погружались въ безстильность. И вотъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ Бунину Чеховъ являетъ самъ формулу этого разрыва, формулу страшную, ибо въ страшную минуту явленную. Въ письмѣ этомъ, говоритъ Бунинъ, «онъ какъ почти всегда шутливъ... а огорчается только однимъ, — грустью за Японію, чудесную страну, которую, конечно, разобьетъ и всей своей тяжестью раздавитъ Россія»...

Что сказать на это? Нельзя съ большей ясностью и откровенностью расписать въ оскудѣніи того чувства «государственности», которое такъ сильно жило въ Пушкинѣ. И это въ минуту объявленія японской войны, когда под-

вергалось опасности положеніе Россіи и тихоокеанскомъ побережьи, вѣковыми народно-государственными усиліями прибрѣтенное и упроченное! Или были уже нѣмы сказочные образы Ермака и его дружинъ, продвигавшихъ страну,—сами того не зная,—къ свободному морю? Или успѣла стереться память о Муравьевѣ Амурскомъ, наконецъ, давшемъ выходъ великой державѣ, столѣтіями изнывавшей въ континентальной жаждѣ? Или не болѣло сердце за дѣло славныхъ русскихъ моряковъ съ адмираломъ Невельскимъ во главѣ, пустившимъ первую русскую флотилію до устья Амура? Или не обязывали насъ подвиги того «неизвѣстнаго солдата», который, исполняя завѣтъ Петра «ногою твердой стать на морѣ», шелъ на востокъ и усилія того русскаго крестьянина, который, — «первый поселенецъ», — пришелъ и отпечаталъ русскій лапотъ на береговомъ пескѣ китайскаго Амура? Что сказать? Вспоминаю вотъ что. Я въ то время (начало японской войны) былъ въ южной Италіи. Приѣзжаю съ вокзала въ гостиницу; вхожу въ читальную комнату, — масса туристовъ-англичанъ съ газетами въ рукахъ. Тогда всѣ европейскія общественныя симпатіи были на сторонѣ Японіи. Одна изъ присутствующихъ дамъ была крайне разочарована. «Ну полноте, — говоритъ ей господинъ, — вѣдь нельзя же рассчитывать, что каждый день будетъ побѣда...». Я вышелъ. Очень было больно. Но не знаю, что больнѣе: слова англичанина или слова Чехова... И еще грустнѣе становится, что Чеховъ былъ «выразитель своей эпохи»... Помню, въ тѣ же времена читалъ въ одной газетѣ, какъ японская

мать баюкаетъ свое дитя и поетъ: «Ты знаешь, почему мы побиваемъ русскихъ? Потому что русская мать не любить своего отечества»...

Встаетъ въ памяти пушкинское «О чемъ шумите вы, народные витіи»? Риторично? Напыщенно? Можетъ быть. Но вотъ это — принципъ, то что Адамовичъ отмѣтилъ словомъ «стиль Россіи». Положимъ, — это не «чистая поэзія», тутъ есть и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и отъ Славянскаго Общества, но уже одно заглавіе: «Клеветникамъ Россіи»! Развѣ не лучше это, чѣмъ грусть по Японіи? Да, клеветана Россію! Велика была поднимающая и возмущающая сила этихъ словъ. И гдѣ тотъ огонь? И вѣдь это не то, что сейчасъ именуется «империализмомъ», — это вѣра, вѣра со всею живучестью искренняго восторга, со всею присущей восторгу силой негодованія. А какая вѣра въ «чеховщинѣ»? Знаменитыя «пророчества» о должествующемъ наступить лучшемъ будущемъ, о той «свѣтлой, прекрасной, изящной жизни», о которой лепечутъ дѣвочки-подростки, о которой разглагольствуютъ студенты и которой поддакиваютъ полковники въ «Трехъ Сестрахъ»? Право же лучше не подчеркивать ту автобіографическую нить, которая связываетъ эти истерическіе выкрики съ личностью автора ихъ написавшаго.

Это будетъ все же болѣе достойная дань уваженія, — допустить, что Чеховъ заставилъ ихъ говорить, а не самъ такъ говорилъ. Почетнѣе отнести всѣ эти рѣчи на долю того «наблюдателя русской жизни», наблюдательностью котораго такъ восхищался Толстой, чѣмъ приписать ихъ тому, кто

провозглашается «воплотителемъ» своей эпохи. Ужъ пусть лучше эти художочныя «пророчества» останутся для Чехова «чужими словами».

Кн. Сергѣй Волконскій